

УДК 1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-158-168

ВЛАСТЬ И НАКАЗАНИЕ В ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ М. ФУКО

Рязанов Иван Владимирович

Пермский государственный аграрно-технологический университет имени Д.Н. Прянишникова

В статье предложена аналитическая реконструкция интерпретационной стратегии французского философа и историка М. Фуко, связанная с генеалогическим проектом «Истории Наказания». Содержательным моментом реконструкции интерпретационной стратегии М. Фуко становится маргинализация объекта познания, способствующая как трансформации предметного поля исследований, так и генеалогической идентификации объекта. Выделяются правила реконструкции, обусловившие диффузию методологического подхода к власти в генеалогии М. Фуко. Обосновывается положение о том, что использование отдельных правил реконструкции не может привести к методологическому единству в генеалогическом проекте в силу маргинально-позитивной идентификации объекта и структуры «Истории Наказания». Сравнение функционального анализа Ж. Делёза и генеалогического подхода М. Фуко к проблеме власти указывает на диффузию метода, не способного локализовать свой объект в социальном пространстве. Во многом этому будет способствовать традиционное для исследований М. Фуко использование визуальной модели как эпистемологической. Все динамические и структурные характеристики, с помощью которых в генеалогии М. Фуко анализируется концепт Микрофизики власти, будут сведены к маргинальной антропологии. В генеалогический период творчества французского мыслителя маргинальная антропология определяется в качестве способа конструирования генеалогической реальности. В качестве следствия методологической диффузии рассматривается генеалогическая дескрипция как метод описания маргинального объекта. Феномен дисциплинарной власти рассматривается в качестве маргинальной конструкции, выводящей понятие нормального ненормального из совокупности дисциплинарных практик, структурирующих европейское общество. Выделение маргинальной антропологии М. Фуко станет основанием для перехода к проекту «Истории сексуальности».

Ключевые слова: антропология, археология, безумие, власть, генеалогия, герменевтика, дискурс, дисциплинарная власть, маргинальное, микрофизика власти, наказание, сексуальность.

POWER AND PUNISHMENT IN M. FOUCAULT'S GENEALOGICAL PROJECT

Ivan V. Ryazanov

Perm State Agrarian and Technological University named after D.N. Pryanishnikova

The article proposes analytical reconstruction of the French philosopher and historian M. Foucault's interpretation strategy related to the genealogical project *The History of Punishment*. The object of cognition marginalization is content moment of this reconstruction, as contributing to both the transformation of the research subject field and the genealogical identification of the object. There are defined the rules of reconstruction, contributing to the diffusion of the methodological approach to power in the genealogy of M. Foucault. The article substantiates the position that the use of some individual rules of reconstruction cannot lead to methodological unity in the genealogical project due to the marginal-positive identification of the object and the structure of *The History of Punishment*. Comparison of J. Deleuze's functional analysis and M. Foucault's genealogical approach to the problem of power points to the diffusion of the method,

which is unable to localize its object in the social space. In many ways, this will be facilitated by the use of the visual model as an epistemological one, which is traditional for Foucault's research. All the dynamic and structural characteristics that are used in Foucault's genealogy to analyze the concept of Microphysics of power will be reduced to marginal anthropology. In the genealogical period of the French thinker's work, marginal anthropology is regarded as a way of constructing genealogical reality. Genealogical description as a method of a marginal object description is viewed as a consequence of methodological diffusion. The phenomenon of disciplinary power is considered as a marginal construction, deriving the concept of normal-abnormal from the totality of disciplinary practices, structuring the European society. M. Foucault's focus on marginal anthropology will serve as a basis for the transition to *The History of Sexuality* project.

Keywords: anthropology, archaeology, madness, power, genealogy, hermeneutics, discourse, disciplinary power, marginal, microphysics of power, punishment, sexuality.

Постановка проблемы

Генеалогический проект «Истории Наказания» французского мыслителя М. Фуко вызывает у исследователей его творчества повышенный интерес, который обращен к различным аспектам методологии автора [Визгин В.П., 2004; Зекрист Р.Х., 2012; Ильин И.П.;1998; Русаков С.С., 2016]. Так, американский исследователь Д. Арак в своей работе высказывает суждение, что исторический метод у французского мыслителя — это «особый метод, присущий постмодернистской философии, — метод критической, генеалогической истории, описывающий то, как мы — современные люди — стали тем, что мы есть» [Агас J., 1988, p. 12]. Близкой точки зрения придерживаются и некоторые отечественные исследователи, когда обращаются к проблеме власти в творчестве М. Фуко [Кильдюшев О.В., 2014; Лизина Н. В., 2011; Низовцев Д.В., 2015; Новиков О.В., 2009].

В центре нашего внимания находится аналитическая реконструкция интерпретационной стратегии французского классика XX в., обращенная к феномену Власти и Наказания. Специфика исследовательской практики, обращенной к «неклассическим – постклассическим текстам» в современной западной философии, часто оказывается в проблемной ситуации, связанной как с автором текста, так и с такими фигурами, как читатель и интерпретатор. Необходимо отметить, что, во-первых, при анализе интерпретационной стратегии французского философа мы столкнулись с определенным методологическим парадоксом. Его суть заключается в том, что диспозитив (конструкт текста, отражающий его тематику) связан с расширением аналитического поля, которое в силу осуществленной автором процедуры деонтологизации

языка приводит к изменению пространства интерпретации. Например, диспозитив «Безумия и сексуальности» в силу своей маргинальной структуры указывал на предел различия герменевтического, т.е. на предел различия тех или иных техник чтения и интерпретации.

Во-вторых, мы исходим из того, что у М. Фуко никогда не существовало единой методологической программы. Это допущение после публикаций лекций французского мыслителя, читаемых им в Коллеж де Франс, получает дополнительное концептуальное обоснование. В последнем курсе, прочитанном в 1983/1984 учебном году, мы находим очень ценное, на наш взгляд, положение, связанное со сменой методологии. На это указывает и отечественный переводчик данного курса А.В. Дьяков. В своем послесловии он пишет: «Знакомство с его текстами может раз и навсегда изменить взгляд читателя, но не позволяет ему воспользоваться “методологией” Фуко, потому что никакой методологии, собственно, нет. Есть совокупность исследовательских методов и приемов, которые непрерывно меняются в зависимости от целей и объектов фукольдианского исследования» [Дьяков А.В., 2014, с. 347]. В этом смысле вопрос об анализе всего поля множественных и подвижных отношений власти будет напрямую связан с вопросом о пресловутой императивности генеалогического метода.

Содержательная реконструкция интерпретационной стратегии М. Фуко

Исходным пунктом генеалогической реконструкции «систем порабощения» является традиционная для многих исследований М. Фуко маргинализация объекта. Документально-художественное описание публичной казни

XVIII в. и воспроизведение тюремного распорядка дня XIX в. направлены в первую очередь на историческую действительность наказания и исторического дискурса, в котором «исчезло тело как главная мишень судебного-уголовной репрессии» [Фуко М., 1999, с. 14]. Исчезновение тела в генеалогическом проекте М. Фуко отражает нелинейную динамику исторической событийности и делает концептуальной саму замену объектов в общем историческом разрыве XVIII–XIX вв. В силу этого идентификация объекта генеалогической реконструкции становилась невозможной вне динамики «тонких и быстрых перемен», без различия археологического и генеалогического проектов М. Фуко между собой. В этом случае генеалогическая идентификация судимой души по формуле «душа судима, как и преступление» является множественным синтезом таких элементов, как «страсти, инстинкты, аномалии, физические недостатки» и т.д. Диссоциативно-деструктивное использование идентичности служит для классика маргинальности М. Фуко способом маргинализации объекта генеалогической реконструкции. Это свидетельствует не только об изменениях в системе судопроизводства XVIII–XIX вв., но и указывает на новый режим производства истины.

Для генеалогического проекта «Истории Наказания» безумие так же необходимо, как и для археологической реконструкции, спроецированной на структурную эпистемологию или теорию высказывания. В этом смысле архив безумия в форме совокупности высказываний образует «комплекс оценочных, диагностических, прогностических и нормативных суждений о преступном индивиде» [Фуко М., 1999, с. 29], поскольку концепция ненормальности индивида, ставшая способом его квалификации, так или иначе производна от маргинально-позитивной реконструкции безумия.

Таким образом, различие между археологической и генеалогической историей безумия — это различие, помогающее понять, почему реконструкция «власти – наказания» с исторической точки зрения является возникновением власти нормализации. Сама позитивность вопроса о наказании — это «сравнительная история современной души и новой власти судить, генеалогия нынешнего научно-судебного единства» [Фуко М., 1999, с. 35]. В этом смысле очень показательна маргинальная позитивность

проблемы «происхождения» судимой души, ее Herkunff, подчиненный сингулярному закону и принципу исторической событийности. Проблема «происхождения», с одной стороны, усиливает различие происхождения и цели наказания современной «судимой души», а с другой — систематическая генеалогия М. Фуко в силу неопределенности множества генеалогических синтезов наполняет проблему «происхождения» маргинальным смыслом. Поскольку позитивность вопроса о «происхождении» была заключена в позитивности вопроса о наказании, то сравнительная история современной души в систематической генеалогии анализируется посредством четырех правил, в основе которых лежит различие двух проектов и изменение герменевтической структуры истории наказаний.

Правила реконструкции в генеалогии М. Фуко

Генеалогические принципы реконструкции «систем порабощения» представлены правилами.

Первое правило рассматривает наказание в качестве сложной социальной функции, при этом редуцируются как общие социальные формы, так и интересубъективность. Социальная функциональность наказания у М. Фуко является критическим переосмыслением подходов Э. Дюркгейма и М. Вебера, традиционно применяемых в исследованиях социального.

Второе правило рассматривает наказание как политическую тактику и критически оценивает марксистскую политологию, для которой власть непосредственно выводилась из сферы экономических отношений. Воздействие этого правила можно найти в «Истории частной жизни» — исследовании, которое провела группа французских, британских и американских ученых под руководством историков из Школы «Анналов» — Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Сошлемся на их концептуальное положение: «Деспотизм тоталитарных государств, чрезмерное вмешательство демократических государств вплоть до управления рисками — “рациональность отвратительного и рациональность обычного” (Мишель Фуко) — все это привело к размышлениям о механизме власти и поискам сдержек и противовесов, рычагов сопротивления» [Корбен А. и др., 2018, с. 5].

Третье правило рассматривает технологию власти в качестве совокупности дискурсивных и недискурсивных практик, связанных с исто-

рией права и с познанием человека. В этом случае технология власти методологически использует негативное и позитивное деструктурирование самого способа познания истории.

Четвертое правило рассматривает появление души в качестве определенного способа захвата тела или совокупности исторических трансформаций, связанных с отношениями власти. В этом смысле политическая технология тела — это всегда «общая история отношений власти и объектных отношений» [Фуко М., 1999, с. 37] или способ реального существования индивидов в «действительной» истории.

Использование отдельных правил не может привести к методологическому единству в генеалогическом проекте в силу маргинально-позитивной идентификации объекта реконструкции и самой структуры истории наказаний. В итоге все это указывает на методологическую диффузию, которая анализируется в «систематической» генеалогии на примере политической технологии тела и вытекающей из нее концепции микрофизики власти. По аналогии с археологическим проектом в генеалогической реконструкции происходит эпистемологизация объекта, создающая возможность «знания-тела» — знание, эксплицирующее историю тела, а не пространственные параметры, характеризующие структурную эпистемологию маргинального дискурса.

В генеалогической реконструкции эпистемологизация объекта развернута на уровне исторической динамики, «поле действия которой простирается между большими делами власти и собственно телами с их материальностью и силами» [Фуко М., 1999, с. 41]. Тем самым процедура генеалогической реконструкции предопределена методологическим статусом объекта. Данный статус позволит М. Фуко анализировать концепт микрофизики власти посредством динамических показателей, взаимодействующих в «действительной» истории сил господства и подчинения, что, в свою очередь, говорит о микрофизике самого генеалогического метода, не способного в силу своего маргинального статуса привести принципы генеалогической реконструкции к методологическому единству. Например, все динамические характеристики, с помощью которых будет анализироваться концепт микрофизики власти, так или иначе отталкиваются от черт, присущих генеа-

логической чувствительности, а различие чувственного и сверхчувственного в диффузии генеалогического метода проявит себя в качестве конструкта, включающего в определение власти несколько структурных компонентов.

Микрофизика власти: между функционализмом Ж. Делёза и генеалогией М. Фуко

В первую очередь, власть — это совокупность стратегических позиций, которые, с точки зрения еще одного классика маргинальной тематики Ж. Делёза, всегда требуют нового функционализма, поскольку «этот функциональный анализ, разумеется, не отрицает существования классов и их борьбы, но предлагает совершенно иную картину с другими пейзажами, персонажами и процессами, нежели та, к которой нас приучила традиционная, в том числе марксистская, история» [Делёз Ж., 1998, с. 49]. В этом смысле функционализм Ж. Делёза опирается на эпистемологический принцип, соединяющий вербальную и визуальную модели познания. Власть, как и живопись, требует той же процедуры, что и археологический анализ доктрины дадаизма Р. Магритта. Неслучайно М. Фуко проделывает то же, что и Р. Магритт, он «связывает вербальные знаки и пластические элементы, не установив для себя правила первичной изотропности» [Фуко М., 1999, с. 79].

В генеалогической реконструкции диффузия метода способствует разрыву между двумя моделями — вербальной и визуальной, т.к. между «видеть» и «говорить» помещается «социальное», которое уже не привязано к традиционным представлениям о сущности и происхождении власти (перефразируя название известной книги М. Фуко «Это не трубка», посвященной творчеству Р. Магритта). Можно указать на маргинальный хронотоп «социального», в котором «власть — это не власть»: в этом смысле генеалогический метод деидентифицирует социальное пространство власти. В зыбкости объема, без ориентиров пространства и без плана власть — это не более чем «сеть неизменно напряженных, активных отношений» [Фуко М., 1999, с. 44], подчиненных модели «вечного сражения»; поэтому в процессе генеалогической реконструкции изменяется и социальная оптика традиционных представлений о власти. В силу этого концепт микрофизики

власти у М. Фуко является результатом различия исторической континуальности и постоянно изменяющихся соотношений сил, действующих в истории.

Власть — это децентрализация политико-правовых институтов и в первую очередь такого института, как государство, в силу того факта, что «само государство возникает как результат совместного действия или как равнодействующая функционирования множества механизмов и очагов, расположенных на совершенно ином уровне и самостоятельно образующих “микрофизику власти”» [Делёз Ж., 1998, с. 49]. Выделенная Ж. Делёзом точечная локализация по своей сути является переосмыслением методологической диффузии, т.к. децентрализация власти — это результат диффузии метода, не способного локализовать свой маргинальный объект в социальном пространстве. Сама специфичность механизма и модальность генеалогически реконструируемой власти «проникает в самую толщу общества», вставая в оппозицию экономическому детерминизму, в соответствии с которым власть, «воплощенная в государственном аппарате, считалась подчиненной способу производства как базису» [Фуко М., 1999, с. 50]. Тем самым характерная для экономического детерминизма пирамидальность власти уступает место очагам нестабильности и бесконечным столкновениям исторически конфликтующих сил, т.е. уникальности и неповторимости исторического события как определенного динамического показателя.

Функциональный анализ Ж. Делёза усматривает в динамических чертах исторического чувства строгую имплицитность и оперативность, поскольку на микрофизическом уровне власть сама по себе не более чем «совокупность отношений сил, которые пронизывают подвластные силы в не меньшей степени, чем господствующие, при том что и те, и другие представляют собой единичности сингулярности» [Делёз Ж., 1998, с. 51]. То, что в модальности исторического познания приводило к деструкции познающего субъекта, в диффузии генеалогического метода определит условия эпистемологизации реконструируемого объекта. Например, выделяемая М. Фуко фундаментальная импликация отношений власти и знания — «нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, кото-

рое не предполагает и, вместе с тем, не образует отношений власти» [Фуко М., 1999, с. 42] — сама, в свою очередь, предполагает сакрально деструктивное использование истины. Поэтому импликация отношений власти и знания в генеалогическом проекте возникает как методологический результат негативного и позитивного деструктурирования познания истории.

Использование динамического аспекта проблемы наказания как эпистемологического условия связи власти и знания одновременно является и способом трансформации модели познания, в которой «главную роль играет субъект»; в результате генеалогическое единство власти и знания оказывается эпистемологическим пределом любой исторической воли к знанию. Таким образом, все динамические характеристики, с помощью которых в генеалогии М. Фуко анализируется концепт микрофизики власти, так или иначе могут быть сведены к маргинальной антропологии.

Маргинальная антропология — это определенный способ конструирования генеалогической реальности, развернутой в сфере «политической анатомии»; метафорическая медиализация концепта указывает на доведенную до предела фундаментальную оппозицию метафизики и генеалогии. Тогда и способ, который в почти платоновском различении души и тела находит историю микрофизики власти, будет являться генеалогическим или, по меньшей мере, будет «частью генеалогии современной души». Поскольку в маргинальной антропологии душа сконструирована как «современный коррелят определенной технологии власти над телом» [Фуко М., 1999, с. 45], то ее генеалогическая реальность будет зависеть от политического функционирования тела, от процедур «наказания, надзора и принуждения», от исторической динамики враждующих сил. В дискурсах, конституирующих знание о человеке, последний, с точки зрения М. Фуко, может быть психикой, субъектом, личностью, сознанием и т.д., но все предметные области анализа производны от политической анатомии, в которой генеалогическая конфигурация «Власть – Знание – Тело» осуществляет конструирование души. Если «душа есть следствие и инструмент политической анатомии; душа — тюрьма тела» [Фуко М., 1999, с. 46], то антиномия идеального и телесного в истории может быть представлена отноше-

нием «надзирать – наказывать», отношением, которое позитивность вопроса о наказании связывает с дисциплинарными практиками, осуществляющими «политический захват тела».

Рассмотренные в аспекте сингулярной одновременности наказания и противозаконных практик, эти практики предстают в качестве новой экономии власти наказывать. Принцип визуализации преступления и наказания трансформирует технологию наказания, теперь это не просто двойная репрезентация преступления, а «знак, служащий препятствием». Семиотическая техника наказаний приходит на смену публичным казням и пыткам. Используемый М. Фуко механизм семиотического замещения публичных казней указывает, с одной стороны, на принцип производности преступления и наказания как означаемого и означающего, а с другой — на изменение принципа линейности означающего, т.к. наказание наполнено маргинальным смыслом. По отношению к обозначаемому смыслу преступления смысл наказания — это семиотическая техника нелинейных взаимодействий, включающая в свою структуру определенные правила наказания.

Семиотическая структура наказаний позволит М. Фуко сделать вывод о рассчитанной экономии власти наказывать, поэтому «гуманизация наказаний», как коррелят техники власти, неизбежно ставит вопрос: «Действительно ли мы вступили в эру нетелесных наказаний?» [Фуко М., 1999, с. 148]. Каким может быть нетелесное наказание, при условии, что оба аспекта оптимальной спецификации ведут к объективации преступников и преступлений? С одной стороны, преступник, в недалеком будущем больной и ненормальный, подвергается научной объективации, а с другой — семиотическая техника, объективирующая правила наказания. Обе линии объективации указывают, что отношение власти, лежащее в основе отправления наказания, начинает дублироваться объектным отношением. Преступник и преступление имманентны процессам объективации, а значит, «процессы объективации зарождаются в самих тактиках власти и в организации ее отправления» [Фуко М., 1999, с. 148]. Таким образом, реформа судебно-уголовной системы рубежа XVIII–XIX вв. конституирована структурой взаимоисключающих типов объективации. Дальнейшее сосуществование и

развитие этих типов в истории наказаний потребует от М. Фуко соотнесения семиотической техники наказаний с новой политической анатомией. Точкой соотнесения семиотической техники наказаний и новой политической анатомии будет выбрано пространство перераспределения противозаконностей, т.е. пространство между смертной казнью и легкими наказаниями, заполненное в наше время тюремным заключением. По аналогии со структурой генеалогической телесности в генеалогии дисциплинарных практик возникает структура дисциплинарного тела, в котором дисциплинарное воспроизводит отношение законного – незаконного в качестве специфической технологии воздействия на индивида. Исходным допущением генеалогии дисциплинарного станет методологическое положение, в соответствии с которым, независимо от специфики практик наказания, «в любом обществе тело зажато в тисках власти, налагающей на него принуждение, запреты или обязательства» [Фуко М., 1999, с. 199].

В первую очередь микрофизика дисциплинарного изменяет масштаб контроля, тело теперь непосредственно анализируется на уровне взаимодействующих исторических сил, в совокупности своих движений, жестов, положений оно не более чем «малая власть над активным телом». Вся эта малая физика наказаний подразумевает экономическую целесообразность активного тела как упражнения, рассматриваемого в качестве объекта контроля и модальности в виде непрерывного и постоянного принуждения. Поэтому контролируемая модальность наказания, с учетом всех физических и экономических требований, предъявляемых к способу воздействия на индивида, образует понятие дисциплинарного: «Методы, которые делают возможным детальнейший контроль над действиями тела, обеспечивают постоянное подчинение его сил и навязывают им отношения послушания – полезности, можно назвать “дисциплинами”» [Фуко М., 1999, с. 200].

В понятии дисциплин непосредственно обнаруживается динамический аспект проблемы наказаний, то, что с точки зрения Ф. Ницше, было принципиально непреодолимым. Поскольку в эпоху генеалогической телесности «дисциплины стали общими формулами господства» [Фуко М., 1999, с. 200], то всеобщ-

ность дисциплинарного, с одной стороны, эксплицирует различие происхождения и цели наказания как различие устойчивого и неустойчивого, а с другой — освобождает понятие дисциплинарного от ницшеанской непреодолимости. В любом случае микрофизика дисциплинарного, исследуемая через изучение отношений господства и подчинения, имманентно содержит позитивность вопроса о наказании.

Так как различие происхождения и цели наказания есть отношение историческое, дающее дисциплинам момент рождения в общей истории наказаний, то *Entstehung* дисциплинарного — это рождение политической анатомии, являющейся в генеалогическом смысле определенной «механикой власти». Таким образом, форма маргинальной позитивности в «действительности исторического» есть не что иное, как политическая анатомия дисциплинарного тела, а с учетом всех моментов позитивности происхождения политической анатомии последняя «производит подчиненные и упражняемые тела, “послушные тела”» [Фуко М., 1999, с. 201].

В таком случае экономическая рациональность наказания производна от маргинальной позитивности отношений господства и подчинения, которые одновременно увеличивают и уменьшают силы тела. Политическая анатомия как микрофизика дисциплинарного «устанавливает в теле принудительную связь между увеличивающейся пригодностью и возрастающим господством» [Фуко М., 1999, с. 202] и в качестве множества исторических практик наказания проникает в различные области применения — от школы и больницы до армии и тюрьмы. Микрофизичность этих практик настолько второстепенна и маргинальна, что макрофизика дисциплинарных институтов, по замечанию М. Фуко, не раскрывает логики их исторического становления. В силу того что история дисциплинарных практик в систематической генеалогии подчинена нелинейной сингулярности тех или иных исторических событий, их циркуляция от одного социального института к другому охватывает все социальное пространство, они определяют «способ детального политического завоевания тела, новую “микрофизику” власти» [Фуко М., 1999, с. 203].

Генеалогическая дескрипция как метод описания маргинального объекта

Необходимо также отметить, что методологический статус дисциплинарной телесности в процедуре реконструкции дисциплинарной системы порабощения повлияет на диффузию генеалогического метода, вследствие чего в концепте микрофизики власти будет преобладать метод описания маргинальных объектов. Генеалогическая дескрипция как раз и развернута на уровне, где объект описания — не более чем динамический показатель взаимодействующих в «действительной» истории сил господства и подчинения. Микрофизика генеалогического описания заключена в том, что дисциплина — это «политическая анатомия детали» [Фуко М., 1999, с. 203], она децентрализует власть и визуализирует бесконечное множество затерянных исторических событий, возвращая им их «действительную» историческую телесность.

Описывая мельчайшие детали микрофизической истории, генеалогический метод предполагает прослеживание становления и развития «дисциплинарного» человека, возникающего на пересечении многочисленных практик и представленного, по сути, структурой дисциплинарной телесности, в которой многочисленные дисциплинарные практики находят свое полноценное микрофизическое, а значит, историческое воплощение. Генеалогическая дескрипция, децентрализуя власть и визуализируя «действительную» историческую телесность, не только описывает структурные компоненты дисциплинарной телесности, она анализирует на уровне микрофизики и специфический механизм дисциплинарной власти. Природа власти в генеалогическом проекте М. Фуко рассматривается как использование «простых инструментов: иерархического надзора, нормализующей санкции и их соединения в специфической процедуре — в экзамене» [Фуко М., 1999, с. 249]. Дисциплинарная власть, как форма общественной власти, с одной стороны, гетерогенна по отношению к государственным институтам и государственному праву, а с другой стороны, осуществляет взаимодействие различных и разнородных начал. Например, воздействие осуществляется благодаря иерархическому надзору, устройству, «которое принуждает игрой взгляда», для дисциплинарной вла-

сти надзор — это «аппарат, где технологии, позволяющие видеть, вызывают проявления и последствия власти, и где средства принуждения делают видимыми тех, на кого они воздействуют» [Фуко М., 1999, с. 249].

Дисциплинарная власть, воздействуя на отличную от нее разнородность, замещает метафизическую видимость герменевтического смысла, который традиционно с античности был связан с возможностью языка быть видимым. Если природа власти, как и природа языка, есть самопоказывание, т.е. определенная возможность существования в границах видимого смысла, то дисциплинарная власть теряет свою возможность существования в этом пространстве, ее маргинальная дискурсивность трансформирует феноменологический строй языка. По замечанию Ж. Делёза, режим света и строй языка не обладают в генеалогическом смысле одной и той же формой и относятся к разным формациям. Таким образом, генеалогическая дифференциация в отношении власти и языка позволяет дисциплинарной власти видеть, оставаясь невидимой. Применяя это положение Ж. Делёза к функционированию дисциплинарной власти в сфере гетерогенного, «всякое знание движется от зримого к высказываемому и обратно; и все-таки между ними нет ни общей тотализирующей формы, ни даже конформности или взаимно однозначного соответствия» [Делёз Ж., 1998, с. 65].

Мы можем учитывать маргинально-герменевтический статус языка и дискурса в сфере экспликации генеалогического смысла, который не обязан дублировать смысл герменевтический. В систематической генеалогии власть и смысл находятся там, где есть динамика отношений господства и подчинения, где «малые техники многочисленных и перекрещивающихся надзоров, взглядов должны видеть, оставаясь невидимыми» [Фуко М., 1999, с. 250]. Неопределимость природы генеалогических синтезов в сфере гетерогенного — не более чем «безвестное искусство света и видимого», имплицитное «новое знание о человеке». Более того, усиливая машинно-шизофренический аспект иерархического надзора, Ж. Делёз определит его как абстрактную машину. На наш взгляд, механизм дисциплинарной власти больше соответствует ницшеанскому смыслу неопределимости неструк-

турированного и неустойчивого в структуре исторического процесса.

Выделяемая Ж. Делёзом шизофреничность и генеалогичность истории наказаний разными способами акцентирует внимание на проблеме происхождения и цели наказания, которая, как мы уже отмечали, интерпретируется у автора «Надзирать и наказывать» в проблему реконструкции «систем порабощения». Иерархический надзор в форме «безвестного искусства света», как и анализ *Entstehung*, не изменяет неопределимости природы генеалогических синтезов, но усиливает динамический аспект проблемы наказания. Не случайно в дисциплинарном пространстве иерархический надзор как визуально-архитектурный принцип применялся в качестве модели для строительства больниц, городов, домов умалишенных, тюрем и т.д.: «архитектура теперь призвана быть инструментом преобразования индивидов» [Фуко М., 1999, с. 251]. Поэтому больница, как и военный лагерь, теперь — инструмент дисциплинарного воздействия на индивидов, а школа — «механизм муштры», в котором архитектурная материальность неотделима от аппарата надзора. Воздействуя посредством надзора, дисциплинарная власть становится «микроскопом для наблюдения», она фокусирует совокупность всех визуальных воздействий в определенной точке. Подобная аккумуляция в архитектурном воплощении будет представлена концептом дисциплинарного центра, в котором «центральная точка должна быть как источником всеосвещающего света, так и местом сходимости всего, что подлежит познанию» [Фуко М., 1999, с. 254], а в сфере социального она выражает определенную политическую утопию.

В генеалогическом проекте «Истории Наказания» специфический механизм дисциплинарной власти, исключая, нормализует. Порождая эффекты нормализации, он выделяет «наказание согласно норме». Поэтому процесс нормализации гетерогенных механизмов в различии макрофизического и микрофизического надо понимать как позитивную технологию вмешательства, то, что функционирует как принцип квалификации и коррекции. Возникновение власти нормализации «коренится в дисциплинарной технике, вводящей эти новые механизмы нормализующего наказания» [Фуко М., 1999, с. 269], тем самым генеалогическая ре-

конструкция «систем порабощения» в своем остатке — не более чем история власти нормализации. Именно отсюда на основании дисциплинарного конструкта формулируется и основной генеалогический тезис: «Через дисциплины проявляется власть Нормы».

Выделим в качестве примера процедуру экзамена, поскольку история власти нормализации у М. Фуко будет неотделима от истории экзамена, который на уровне микрофизики развернет маргинальную импликацию Власти и Знания. Поскольку экзамен в дисциплинарных технологиях «вводит целый механизм, связывающий определенный тип формирования знания с определенной формой отправления власти» [Фуко М., 1999, с. 274], то маргинальная импликация Власти и Знания будет представлена в истории наказаний сингулярной функциональностью. Экзамен вводит индивидуальность в документальное поле, пространство документальной записи уже не является только определением уровня дискурсивной практики, порождающей все многообразие высказываний в той или иной дискурсивной формации. В отличие от археологического проекта, в котором архив — не более чем «основная система формации и трансформации высказываний», архив в систематической генеалогии напрямую связан с надзором индивидов, он «помещает их в толщу улавливающих и фиксирующих документов» [Фуко М., 1999, с. 276]. В силу чего генеалогический архив как «власть записи» — существенная и важная деталь механизмов дисциплины. Археологическая область высказываний, артикулированная в соответствии с историческим *аргюи*, уступает место в генеалогической истории маленьким техникам записи, регистрации, организации полей сравнения, разнесения фактов по столбцам, т.е. тому, что, с точки зрения М. Фуко, приведет к эпистемологическому раскрытию наук об индивиде и, одновременно, лишит вопрос «Как возможна наука об индивиде?» его метафизического значения, поскольку генеалогическое рождение индивида будет обусловлено маргинальностью дисциплинарного механизма, «новым типом власти над телом».

Такие маргинальные типы, как ребенок, больной, сумасшедший, осужденный, становятся в классическую эпоху объектами индивидуального описания. Поэтому каждый марги-

нальный индивид в соответствии с процедурой конкретной объективации и конкретного случая получает и свою собственную индивидуальность. Дисциплинарная власть есть власть нормализации, учитывающей индивидуальные отличия посредством описания маргинальных биографий, что позволяет, в итоге, проследить в систематической генеалогии представления о норме и ненормальном как критериях индивидуальной случайности и индивидуального отличия по отношению к дисциплинарной нормативности субъекта. Богатейший эмпирический материал, использованный М. Фуко в курсе лекций «Ненормальные» [Фуко М., 2004], как раз и указывает на детальную экспликацию генеалогической нормативности, которая на примере криминологии, судебной медицины, психиатрии и т.д. анализирует становление в новоевропейской культуре представления о норме как биологическом, психологическом, моральном и политическом феномене. Представления о норме и ненормальном как субъекте, не поддающемся нормативному воспитанию и не вписываемые в систему социума, возникают вследствие «оборота политической оси индивидуализации».

В классическую эпоху индивидуализация наполняется маргинальным смыслом, захватывая индивидов, она превращается в «исходящую индивидуализацию», поскольку власть нормализации посредством «нормы» становится все более и более анонимной и функциональной, а индивиды индивидуализируются тем больше, чем большая власть осуществляется над ними. Принцип «нисходящей индивидуализации», выраженный отношением «ребенок индивидуализируется больше, чем взрослый, больной — больше чем здоровый, сумасшедший и преступник — больше, чем нормальный и законопослушный» [Фуко М., 1999, с. 283], как раз и фиксирует возникновение области ненормального как области, на основании которой осуществляется антропологизация маргинального субъекта, неспособного к «нормальному» существованию в обществе.

Заключение

Реконструкция интерпретационной стратегии М. Фуко, связанная с генеалогическим проектом «Истории Наказания», указывает не только на новую модальность власти, но и коррелиру-

ет с выводом, к которому приходит сам автор: «Я не говорю, что гуманитарные науки возникли из тюрьмы. Но если они смогли образоваться и произвести во всей структуре (episteme) знания известные глубокие изменения, то потому, что они были сообщены специфической и новой модальностью власти: определенной политикой тела, определенным методом, позволяющим сделать массу людей послушной и полезной» [Фуко М., 1999, с. 450]. В связи этим выводом в процессе реконструкции интерпретационной стратегии французского классика XX в. неизбежно возникают вопросы: Какой может быть природа механизма изменений, способствующая трансформации всего генеалогического проекта и какие формы эти изменения могут принимать? Сохраняет ли свое значение используемый способ чтения позднего М. Фуко при условии, что дисциплинарный человек в маргинальной антропологии трансформируется в механизмы субъективации, неразрывно связанные с проектом «Истории сексуальности», с «использованием удовольствий» (chresis aphrodision)?

Список литературы

Визгин В.П. Генеалогический проект Мишеля Фуко: онтологические основания // Мишель Фуко и Россия: сб. ст. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2004. С. 96–110.

Делёз Ж. Фуко. М.: Изд-во гуманитарной лит., 1998. 172 с.

Дьяков А.В. Послесловие переводчика // Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983/1984 учебном году: пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука, 2014. С. 347–348.

Зекрист Р.Х. Концепция власти М. Фуко // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2012. № 2(103). С. 40–46.

Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 255 с.

Кильдюшев О.В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения // Социологическое обозрение. 2014. № 13(3). С. 9–32.

Корбен А, Герран Р.-А, Холл К, Хант Л, Мартин-Фюжсье А. История частной жизни / под общ. ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби. Т. 4: От Великой фран-

цузской революции до I Мировой войны / под ред. М. Перо. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 672 с.

Лизина Н.В. Практика власти как управленческие отношения в работах М. Фуко // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2(2). С. 206–209.

Низовцев Д.В. Проблема Власти в работах М. Фуко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 4. С. 49–57.

Новиков О.В. Модели Власти и Знания в теории М. Фуко // Вестник РГГУ. Серия: Культурология. Искусствоведение. Музеология. 2009. № 15. С. 52–60.

Русаков С.С. Трехуровневая концепция политической власти М. Фуко // Южно-российский журнал социальных наук. 2016. Т. 17, № 1. С. 114–124.

Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974/1975 учебном году. СПб.: Наука, 2004. 432 с.

Фуко М. Это не трубка: навязчивость взгляда Фуко и живопись. М.: Художественный журнал, 1999. 150 с.

Arac J. After Foucault. Humanistic knowledge. Postmodern challenges. N.Y., 1988. 208 p.

Получено 28.01.2019

References

Arac, J. (1988). *After Foucault. Humanistic knowledge. Postmodern challenges*. New York, 208 p.

Corben, A., Hermann, R.A., Hall, K., Hant, L. and Martin-Fougier, A. (2018). *Istoriya chastnoy zhizni* [The history of private life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 672 p.

Deleuze, G. (1998). *Fuko* [Foucault]. Moscow: Humanitarian Literature Publ., 172 p.

Dyakov, A.V. (2014). *Posleslovie perevodchika* [The epilogue of the translator]. *Fuko M. Muzhestvo istiny. Upravlenie soboy i drugimi II. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1983/1984 uchebnom godu* [Foucault M. Courage of truth. Managing yourself and others II. Course of lectures delivered at the Collège de France in 1983/1984 academic year]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., pp. 347–348.

Foucault, M. (1999). *Eto ne trubka: navyazchivost' vzglyada Fuko i zhivopis'* [This is not a pipe. Obsession of view: M. Foucault and painting] Saint-Petersburg: Khudozhestvenny zhurnal Publ., 150 p.

Foucault, M. (2004). *Nenormal'nye: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1974/1975 yuhebnoy godu* [Abnormal: lectures delivered at the Collège de France 1974/1975 academic year]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 432 p.

Ilyin, I.P. (1998). *Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya: evolutsiya nauchnogo mifa* [Postmodernism from its origins to the end of the century: the evolution of the scientific myth]. Moscow: Intra-da Publ., 255 p.

Kil'dushev, O.V. (2014). *Mishel' Fuko kak issledovatel' «politseyskogo gosudarstva»: programma, evristicheskie problemy, perspektivy izucheniya* [Michel Foucault as a researcher of «police state»: program, heuristic problems, prospects of study]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. No. 13(3), pp. 9–32.

Lizina, N.B. (2011). *Praktika vlasti kak upravlencheskie otnosheniya v rabotakh M. Fuko* [Power practice as managerial relations in the works of M. Foucault]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University]. No. 2(2), pp. 206–209.

Nizovtsev, D.V. (2015). *Problema Vlasti v rabotakh M. Fuko* [The problem of Power in the works of M. Foucault]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Fed-

eral University. Series Humanitarian and Social Sciences]. No. 4, pp. 49–57.

Novikov, O.V. (2009). *Modeli Vlasti i Znaniya v teorii M. Fuko* [Model of Power and Knowledge in the theory of M. Foucault]. *Vestnik RGGU. Seriya Kulturologiya. Iskusstvovedenie. Muzeologiya* [RGGU Bulletin. Series: Culturology. Art history. Museology]. No. 15, pp. 52–60.

Rusakov, S.S. (2016). *Trekhurovnevaya kontseptsiya politicheskoy vlasti M. Fuko* [Three-Level conception of political power of M. Foucault]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences]. Vol. 17, no. 1, pp. 114–124.

Vizgin, V.P. (2004). *Genealogicheskiy proekt Mishelya Fuko: ontologicheskie osnovaniya* [Of the Genealogical project of Michel Foucault: ontological foundations]. *Mishel' Fuko i Rossiya* [Michel Foucault and Russia]. Saint-Petersburg: European University at St. Petersburg, Letniy sad Publ., pp. 96–110.

Zekrist, R.H. (2012). *Kontseptsiya vlasti M. Fuko* [The Concept of power of Michel Foucault]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki* [Izvestiya Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences]. No. 2(103), pp. 40–46.

Received 28.01.2019

Об авторе

Рязанов Иван Владимирович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии

Пермский государственный аграрно-технологический университет
имени Д.Н. Прянишникова,
614990, Пермь, ул. Петропавловская, 23;
e-mail: iwan.riazanow@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4676-2452>

About the author

Ivan V. Ryazanov

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of History and Philosophy

Perm State Agrarian and Technological University
named after D.N. Pryanishnikova,
23, Petropavlovskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: iwan.riazanow@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4676-2452>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рязанов И.В. Власть и наказание в генеалогическом проекте М. Фуко // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 158–168. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-158-168

For citation:

Ryazanov I.V. Power and punishment in M. Foucault's genealogical project // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 2. P. 158–168. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-2-158-168